Ю. Б. Коряков

ОСОБЕННОСТИ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЦИРКУМПОЛЯРНЫХ РАЙОНОВ ЕВРАЗИИ¹

В работе рассматриваются основные трудности, возникающие при картографировании кочевых народов и их языков, по сравнению с картографированием оседлых народов и языков. Показана история картографии народов и языков Севера в XIX–XX вв. Затем рассматриваются существующие источники для современных карт. Наконец, предлагается целый ряд визуальных решений, позволяющих достаточно адекватно и в то же время наглядно отобразить на картах не только кочевые и полукочевые этнические группы, но их языки. Эти решения иллюстрируются картами.

Ключевые слова: *картография, циркумполярные языки, Арктика, народы Севера, кочевые, оленеводство, тундра.*

Введение

Одной из основных культурных особенностей народов Циркумполярного региона Евразии ещё до недавнего времени было активное использование домашнего северного оленя, предполагавшее кочевой или полукочевой образ жизни. Как следствие, картографирование таких народов и языков, ими использовавшихся, предполагает заметно другие методы и подходы.

В данной работе мы рассматриваем термины «циркумполярный», «полярный» и «арктический» как рабочие синонимы. Существует несколько способов провести границы региона, определяемого этими терминами. Одной из них, основанной в первую очередь на этнографических, а не физико-географических, особенностях является граница Арктики, предложенная Арктическим советом (в рамках рабочей группы в его составе АМАР – Arctic Monitoring and Assessment Programme, см. карту № 1).

Если использовать в качестве рабочей границу АМАР, то среди циркумполярных народов практически не использовали оленей и как следствие вели относительно оседлый образ жизни лишь некоторые береговые группы, занимавшиеся охотой на морского зверя (береговые чукчи, эскимосы, алеуты, береговые коряки), и относительно недавние переселенцы с юга, среди которых наиболее ранними и в то же время заметными были якуты. Также оседлыми были карелы, большая часть коми, хантов и манси, южные селькупы, пешие эвены и эвенки и ительмены, но они оказываются к югу от границы Арктики, проводимой АМАР.

Жизнь всех остальных групп, от саамов Скандинавии до чукчей Чукотского полуострова была тесно связана со стадами домашних северных оленей. Помимо Евразийской Арктики оленеводство распространено лишь у ещё нескольких народов южной Сибири, в частности на Саянах (тофалары, сойоты), в Туве (тоджинцы) и др.

В то же время образ жизни разных кочевых групп мог заметно отличаться друг от друга. Можно выделить следующие типы жизнедеятельности:

1. Полностью кочевые – вся семья целиком круглый год живёт на стойбищах и кочует с домашними оленями; традиционно сюда входили чукчи, коряки, долганы, нганасане, энцы, часть эвенков и эвенов, коми-ижемцы; сейчас только центральные и восточные ненцы.

1а. Полукочевое – малые стада, частично пасутся сами: саамы (до прихода ижемцев).

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 17-18-01649 «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе».

Карта 1. Границы Арктики согласно данным АМАР

2. Частично кочевые – специальные пастухи (обычно взрослые мужчины) живут на стойбищах и кочуют с домашними оленями, остальные живут в посёлках; на этот тип выпаса оленей перешли все группы, использовавшие ранее тип 1, кроме центральных и восточных ненцев.

3. Бродячие охотники и собиратели, иногда в сочетании с полу-кочевым оленеводством. На территории, очерченной АМАР, к этому типу могут быть отнесены только юкагиры, а также группы северных хантов и северных селькупов и некоторые другие группы, которые используют мелко-масштабное транспортное оленеводство.

1. Сложности картографирования языков кочевых народов Севера

Что же такого особенного в распространении языков кочевых народов, что приходится о них говорить отдельно? Давайте поэтапно посмотрим как выглядит процесс картографирования языков оседлых народов, в частности на примере России.

1. Формируется список населённых пунктов, в которых говорят (или говорили, если мы делаем карту для некоторого временного отрезка в прошлом) на картографируемом языке. В идеале, с точным числом говорящих или процентом говорящих от числа населения данного населённого пункта.

2. Определяется местонахождение соответствующих населённых пунктов на карте. Для территории России сложность тут может возникнуть только для карт, иллюстрирующих распространение языка в прошлом, так как количество населённых пунктов по сравнению с началом XX в. для некоторых регионов России сократилось в несколько раз.

3. Создание языковых ареалов. На мелкомасштабных картах и/или при большой скупченности селений ареал создаётся просто обведением территории населённых пунктов с одинаковым языковым составом. На крупномасштабных картах при достаточном расстоянии между населёнными пунктами может потребоваться обозначить территорию хозяйственного освоения вокруг населённых пунктов, которая может представлять из себя окружность радиусом 5–10 км. При проведении границ между языками и обозначении территорий хозяйственного освоения учитываются физико-географические объекты: горы, реки, болота и т.д. Особенно удобно такие границы проводить в горных регионах, где горны хребты, как правило, являются естественными границами между языками и диалектами, сосредоточенными в речных долинах. На равнинах такие границы часто более условны.

Таким образом, фактически основными потенциальными сложностями при создании карт языков оседлых народов является наличие подробных поселенных данных, например, на основе переписи, и наличие подробных карт. И то, и другое для территории России имеются.

Теперь посмотрим, чем отличается характер расселения кочевых народов и как это влияет на процесс создания карт. Основным отличием является тот факт, что кочевые народы не живут большую часть года в определённом фиксированном пункте, а кочуют по достаточно большой территории. Поэтому проблемы с их картографированием начинаются уже на этапе определения населённых пунктов, где живёт соответствующий народ или говорят на соответствующем языке. Хотя сейчас все кочевники приписаны к определённым поселениям, это является чистой условностью, и на самом деле они могут появляться в этом поселении всего несколько раз в год или даже реже. В более же ранних переписях для кочевых народов никакие постоянные населённые пункты обычно не указывались, а территория их распространения давалась описательно, часто довольно обтекаемо. Сравните, например, примеры из данных переписи 1926 года: «по верхнем течении реки Икон» (долгане), «в районе между рекой Дудыптой и Хатангским трактом» (самоеды), «в районе озера Хасма» (остяко-самоеды) и так далее (Материалы, 1928). При этом, понятно, что из-за того, что перепись проводится в определённый день (или хотя бы месяц, особенно в труднодоступных районах Севера), то переписчики могли застать представителей кочевых народов лишь в определённой точке своих кочевий. А для создания полноценной карты необходимо знать все территории кочевий и маршруты перекочёвок.

При определении этих территорий и маршрутов возникают следующие трудности.

1. Большая территория, границы которой трудно установить однозначно.

2. Очень низкая плотность населения и вообще низкая абсолютная численность населения: численность большинства кочующих групп измерялась десятками человек. Эта особенность резко отличает арктических кочевников от большинства других скотоводческих групп, численность и плотность населения у которых, как правило, гораздо выше.

5. Высокая лично-семейная мобильность – семья или несколько семей могли переселиться на новые места, в т.ч. к иноязычным соседям; что, учитывая очень малую численность населения, могло существенно влиять на расселение целых народов. Таково было, например, переселение одной долганской семьи в низовья Енисея, в результате чего там возник долганоязычный очаг (см. карты в (Khanina, Koryakov, 2018)).

4. Сезонная мобильность – различаются летние и зимние кочевья, и осенние и весенние пути перекочёвок между ними.

3. Высокая общая мобильность – границы кочевий между народами время от времени меняются (гораздо быстрее чем между оседлыми народами).

6. Территория зимних кочевий одного народа может являться территорией летних кочевий другого (например, летние пастбища долган на Таймыре находились там же, где зимние пастбища нганасан, см. карты в (Khanina, Koryakov, 2018)), или пути перекочёвок могут проходить по чужой территории (например, упомянутые выше енисейские долгане перекочевывали между летними и зимними пастбищами по энецкой территории).

7. Многоязычие и часто неопределённая этническая идентификация многих групп: несмотря на низкую плотность (но благодаря высокой мобильности) разные языковые группы постоянно контактировали друг с другом, знали по несколько языков и не всегда могли однозначно отнести себя к определённой этнической группе (например, эвено-юкагиры Колымско-Индигорской тундры, предположительно являвшиеся оюкагирными эвенами и использовавшие оба языка (Пупынина, Аралова, Коряков, 2020)).

Хотя всё вышеперечисленное осложняет и создание самих карт, но в первую очередь оно затрудняет получение данных, отражающих реальное распространение тех или иных языков и народов в тот или иной временной период.

Кроме вышеперечисленного, отдельные сложности при создании именно языковых карт возникают тогда, когда не представители этноса являются носителями соответствующего языка. Это особенно характерно при составлении карт, отражающих современное распространение языков. Подробнее такие примеры рассматриваются в разд. 5.

Далее мы рассмотрим как картографировались кочевые народы (и языки) в более ранних работах, а затем какие методы и подходы могут быть использованы при их картографировании сейчас.

2. История картографирования

Попытки картографирования кочевых полярных народов предпринимались уже достаточно давно.

В Российской империи, в XIX и начале XX вв., было выпущено несколько обзорных карт (всей Империи или только Азиатской её части), в которых в основном использовался метод сплошной заливки территории в соответствии с преобладающей языковой или этнической группой (или группами) населения. Таковы, например, Этнографическая карта Азиатской России 1895 г. (см. карту № 2) и Этнографическая карта Азиатской России 1914 г. (см. карту № 3).

Карта 2. Фрагмент (Северо-восток Сибири) Этнографической карты Азиатской России 1895 г.

Карта. 3. Фрагмент (Северо-восток Сибири) Этнографической карты Азиатской России 1914 г.

Фактически первой и единственной картой, на которой систематически было по отдельности показано оседлое и кочевое население, была карта «Карта расселения народностей крайнего севера СССР», составленная П. Е. Терлецким (Терлецкий, 1933)² на основе данных переписи населения 1926 г. (см. карту № 4). На ней с помощью кружочков разной величины (в зависимости от количества хозяйств) показаны «места относительной (наибольшей) оседлости кочевого населения», а квадратами – «населённые пункты». Эта карта покрывает всю территорию Сибири и Дальнего Востока (за исключением южных районов Сибири), а также север Европейской части России. Ареалы на этой карте не показывались.

Карта 4. Фрагмент (Низовья Колымы) карты (Терлецкий, 1933)

² Что интересно, Б. О. Долгих вместе с сыном Терлецкого – будущим физиком Я. П. Терлецким участвовали с составлении этой карты ещё будучи студентами МГУ.

Карта распространения языков народов Севера СССР (Черняков, 1935), составленная З. Е. Черняковым в Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера, к сожалению очень напоминает не самые лучшие образцы карт XIX в., как в технике исполнения, так и достоверности показываемой информации о границах языковых ареалов. Судя по всему она никак не учитывает данных карты Терлецкого, изданной всего двумя годами раньше, и вообще данных переписи 1926 г. К плюсам этой карты можно отнести прилагаемую брошюру, в которой приведены сведения о численности говорящих на языках народов Севера и их диалектное членение.

Значительный вклад в картографирование этноязыковой ситуации Сибири внёс Б. О. Долгих. При создании карты распространения этнических групп, племён и родов XVII в. (Долгих, 1960; 1968), он использовал метод один ареал = одна родоплеменная группа. Эта карта покрывает всю территорию за Уралом, принадлежавшую России (т.е. более-менее азиатская часть современной России, за исключением Приморья и Тувы). Между многими группами оставлены «зазоры» из незаселённых территорий, что вполне соответствует действительному характеру проживания народов Севера. Всего Долгих выделил и нанёс на карту более 430 таких групп. См. карту № 5.

Карта 5. Фрагмент (Северо-восток Сибири) карты XVII в. из (Долгих, 1968)

С помощью близкой методологии Долгих создал также ряд карт, посвящённых расселению народов Севера в начале XX в. Наиболее масштабно этот метод был применён на «Карте расселения соседских территориальных группировок народов Севера на 1926–1927 гг.» (Долгих, 1970а) для большей части народов Севера (фактически неохваченными из них

остались часть эвенов и эвенков Якутии и обско-угорские народы), см. карту № 6. С некоторыми вариациями такие карты представлены также в работах (Долгих, 1949; 1970б) и др. Основным отличием от карты XVII в. стало объединение территориально и хозяйственно (но не обязательно по языку) близких родоплеменных групп в соседские территориальные группировки, при одновременном дроблении довольно однородных групп (особенно, на Камчатке, Чукотке и среди ненцев). Всего на этой карте получилось 356 групп. Кроме того, на картах XX в. Долгих отказался от идеи зазоров и практически вся охваченная территория, кроме северного Таймыра, поделена между группами.

Карта 6. Фрагмент (Северо-восток Сибири) карты 1926 г. из (Долгих 1970а)

На более поздних советских этнических картах (карт языков в советское время не издавалось) вернулись к принципу ареалов, с некоторым учётом наработок Терлецкого. Только вместо отображения кочевых народов стали показывать «территории с редким населением», которые в значительной степени совпадали с территориями, заселёнными кочевым населением. Эта методология впервые была применена на карте народов Сибири С. И. Брука (1956) (см. карту № 7.), а затем использовались практически на всех советских и российских этнических картах, в частности в знаменитом Атласе народов мира (Брук, 1964). Более того, судя по всему последующие карты создавались на основе предыдущих без особого учёта происходивших изменений в расселении народов Севера. В результате, расселение народов Сибири на картах, изданных в XXI веке в справочных работах общего характера, очень напоминает карты 1950-х годов, но к сожалению далеко от реальности. Что удивительно, границы языков на картах в разделе «Northern Asia and Eastern Europe» (Section 7 в фундаментальном Atlas of the World's languages (2007)), подготовленном Б. Комри, практически совпадают с советскими картами. При этом на картах снято выделение территорий с редким населением,

из-за чего получается довольно превратное представление об огромных территориях, на которых распространены языки Севера (см. карту № 8).

Карта 7. Фрагмент (Северо-восток Сибири) карты С.И. Брука (1956).

Карта 8. Фрагмент (Северо-восток Сибири) карты из атласа AWL (2007).

3. Источники современных данных

При создании карт современного распространения кочевых или полукочевых народов и языков значительно помогают **маршруты кочевков** отдельных групп, полученных с помощью современных методов GPS-локации. Такие исследования проводят, как правило, этнографы. Например, изучены маршруты кочевков ненцев во многих местах Ненецкого АО и ямальных ненцев. Столь же подробную информацию можно извлечь из карт-схем расположения оленеводческих **хозяйств**, существующих, например, для Ненецкого АО (Мониторинг, 2011: 102–103).

Другим методом получения информации о расположении пастбищ являются **опросы** самих кочевников с картами в руках, на которых они, как правило, могут профессионально показать свои маршруты и традиционные территории летних и зимних пастбищ. Такие данные получены, например, М. К. Амелиной для ненцев и энцев Тухардской тундры (запад Таймырского района Красноярского края) (Амелина, 2019).

В случае отсутствия подробных карт или описаний маршрутов конкретных групп, приходится использовать общие региональные карты расположения **пастбищ** (без информации об этнической принадлежности), в т.ч. из довольно старых источников, например, советских региональных атласов, или из схем территориального планирования, разработанных для каждого субъекта Российской Федерации.

Наиболее полно покрыты источниками Ненецкий автономный округ (ненцы и коми-ижемцы) и Ямальский район Ямало-Ненецкого автономного округа (ненцы). Для них имеются данные по границам оленеводческих хозяйств и маршруты кочевков ((Мониторинг, 2011: 102–103; Головнёв и др. 2016; 2018)), сезонные карты пастбищ (Атлас ЯНАО, 2004). По Мурманской области (саамы и коми-ижемцы) также имеются по границам СПК и маршруты кочевков (Головнёв и др., 2018). По северным районам Республики Коми (ненцы и коми-ижемцы) есть только общие карты пастбищ (Атлас Коми, 1964). Другие районы Ямало-Ненецкого автономного округа (ненцы, коми, северные селькупы, нешанцы) представлены в основном общими картами расположения пастбищ и границами оленеводческих хозяйств (Атлас ЯНАО, 2004: 200–201, 266). Для некоторых частей Таймырского района Красноярского края вышло несколько специализированных лингвистических работ, посвящённых ненцам Тухардской тундры (Амелина, 2019) и энцам (Khanina et al., 2018). По кочевым народам Якутии (эвенки, эвены, юкагиры, чукчи) есть только общие карты пастбищ (Атлас ЯА-ССР, 1981: 31; Атлас сельского хозяйства, 1989: 72–75). Чукотский автономный округ также слабо представлен подробными данными, хотя по нему есть обзорная работа по чукотскому языку (Purynina, Koryakov, 2019).

4. Методы картографирования

И наконец, при наличии соответствующих данных, встаёт вопрос о том, как отобразить эти данные на карте. Для оседлых народов, как было показано выше, базовым способом показать их расселение можно считать точечное отображение населённых пунктов, где тот или иной народ/язык распространён или составляет заметный процент населения, которые лишь при уменьшении масштаба сливаются в сплошные области расселения. Для кочевых же народов/языков исходной единицей уже являются области. В то же время характер населения таких областей существенно отличается от населения областей с оседлым населением: плотность кочевых областей, особенно на Севере, намного ниже; население не присутствует одновременно на всей территории области, а перемещается сезонно. Следовательно, на этноязыковых картах, во-первых, есть смысл визуально по-разному показывать территории распространения кочевых и оседлых языков/народов; во-вторых, особенно на более подробных

картах, показывать отдельно летние и зимние пастбища, возможно места отёла, а также территории весенних и осенних перекочёвок.

Также следует помнить, что если до форсированных изменений в образе жизни кочевых народов в советское время разделение на кочевые и оседлые группы было довольно чётким, то в настоящее время практически у всех групп (за исключением части ненцев), так или иначе сохраняющих кочевой образ жизни, его ведёт лишь часть населения, как правило, взрослые мужчины и некоторые женины. Из этого следует, что у таких групп есть одновременно и пункты постоянной осёдлости, и области пастбищ или кочевий. У групп, кочующих всей семьёй (ненцы ЯНАО и Таймыра), также есть пункты привязки, но туда они приезжают по мере необходимости несколько раз в год, кроме того там же обычно учатся дети в школе. Например, таковыми пунктами привязки для ямальских ненцев являются посёлки Яр-Сале, Сё-Яха, Новый Порт, Мыс Каменный, Панаевск, для таймырских ненцев – Тухард, Караул и Носок и т.д. Именно в этих населённых пунктах они, как правило, прописаны и соответственно в них числятся по переписям населения. Порой это приводит к казусам. Так, по переписи 2002 г. в деревне Юрибей (северо-восток Ямало-Ненецкого округа) числилось 176 человек населения (100% ненцы, 95% указало на владение ненецким языком), а по переписи 2010 там оказалось 0 чел. Естественно, ни о каком массовом вымирании или переселении речь не идёт, эти ненцы неизменно кочевали в окружающей Гыданской тундре, но ко времени переписи 2010 г. Юрибей видимо стал считаться факторией, по которым не даётся отдельной статистики (но почему-то сохранился в списке населённых пунктов), а переписные данные даются по месту официальной прописки – центру сельсовета Гыде.

Детали визуализации могут отличаться и зависеть от многих факторов: масштаба и размера карты, цветности (полноцветные, оттенки серого, черно-белый), целей карты, количества разных групп на карте, особенностей оленеводства у разных этнических групп.

Рассмотрим возможные приёмы и методы визуализации на примере карт нескольких регионов с (полу-)кочевым населением.

Ситуация на Кольском полуострове (Мурманская область России) представляет собой интересный случай, когда относительно недавно пришедшая группа населения (коми-ижемцы с небольшой долей комиязычных ненцев в конце XIX в.) постепенно почти вытеснила исконных саамов из оленеводства. В настоящее время саамы работают лишь в левом крыле СХПК «Тундра» (и даже там составляют меньшинство), во всех остальных оленеводческих хозяйствах доминируют коми (Головнёв и др., 2018: 269). Соответственно, кильдинский саамский язык перестал быть активным рабочим языком у оленеводов (Шеллер, 2010: 20). При этом число как коми и саамов, так и говорящих на соответствующих языках, согласно переписи 2010 года, было примерно равным в таких основных оленеводческих центрах, как Ловозеро и Ревда (Микроданные, 2010). На карте № 9 показаны общие границы и названия оленеводческих предприятий Ловозёрского и прилегающих районов Мурманской области, основные территории, по которым происходит движение оленеводческих бригад (цветом показано преобладающие этнические группы в бригадах). Кроме того, на этой же карте показана абсолютная численность коми, саамов и ненцев и говорящих по-саамски и на коми по населённым пунктам. Кроме поселений, коми продолжает активно использоваться и как рабочий язык в оленеводческих бригадах.

На карте № 10 показаны районы кочевков **канинских ненцев** на западе Ненецкого автономного округа. Она создана на основе треков маршрутов и схемы расположения хозяйств (Мониторинг 2011). Пунктиром показаны маршруты перекочёвок ненецких бригад (состоящих в основном из мужчин), круглыми диаграммами показаны населённые пункты, где живут ненецкие семьи, доля ненцев на диаграммах включает и кочующую часть.

На карте № 11 показаны районы кочевков **ямальских ненцев**, которые затрагивают не только Ямальский район, но и северо-западную часть Надымского района. Карта создана на основе подробных карт с границами оленеводческих хозяйств и маршрутами кочевков, созданных этнографами (Головнёв и др., 2016; 2018). Отдельно показаны летние и зимние

пастбища и общие направления перекочёвок между ними, а также границы между тремя группами ямальских ненцев.

Карта 9. Оленеводство на Кольском полуострове

Карта 10. Канинские ненцы

Карта 11. Ямальские ненцы

На Карте № 12 с помощью заштрихованных полигонов показаны территории, где выпасают оленей тундровые энцы (часто вместе с ненцами). Информация о расположении этих пастбищ получена М. К. Амелиной путём опроса местных жителей с топографической картой в руках. Также на этой карте показана миграция части тундровых энцев из Воронцовской тундры сначала в район Левинских Песков (напротив Дудинки), а затем в Тухардскую тундру. Эта информация также получена из рассказов местных жителей (Khanina et al., 2018).

На Карте № 13 сделана попытка совместить населённую карту распространения языков в **Колымско-Алазейской** тундре с картой сезонных типов используемых пастбищ. Для карты использовались данные по языковому составу населённых пунктов (Андрюшкино, Колымское, Чокурдах и другие) по переписи 2010 г. (Микроданные, 2010) и данные о расположении и сезонном использовании оленьих пастбищ (из (Атлас сельского хозяйства, 1989: 72–75)). К сожалению, в последних данных не уточняется какие пастбища используются какой из этнических групп. Тем не менее, оленеводством в этих местах занимаются в основном эвены, юкагиры и чукчи. Соответственно, именно эти языки обозначены как используемые в оленеводстве.

Карта 12. Тундровые энцы

Список литературы:

- Амелина М. К.** «Большой переход на ненецкий»: реконструкция социолингвистической ситуации в Тухардской тундре (Таймырский Долгано-Ненецкий район) по данным языковых биографий // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2019. – Вып. 1 (23). – С. 29–43.
- Атлас Коми АССР. – М.: ГУГК СССР, 1964. – С. 98.
- Атлас сельского хозяйства Якутской АССР. – М.: ГУГК СССР, 1989. – С. 72–75.
- Атлас Якутской АССР. – М.: ГУГК СССР, 1981. – С. 31.
- Атлас Ямало-Ненецкого автономного округа. – Салехард, 2004.
- Брук С. И.** Атлас народов мира. – М.: Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, ГУГК ГГК СССР, 1964
- Брук С. И.** Карта народов Сибири // Народы Сибири. Под редакцией М.Г. Левина, Л.П. Потапова. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1956. (Серия «Народы мира: Этнографические очерки»). – С. 1104.
- Головнёв А. В., Гарин Н. И., Куканов Д. А.** Оленеводы Ямала (материалы к атласу кочевых технологий). – Екатеринбург: УрО РАН, 2016.
- Головнёв А. В., Куканов Д. А., Перевалова Е. В.** Арктика: атлас кочевых технологий. – СПб.: МАЭ РАН, 2018. – 352 с.
- Долгих Б. О.** Карта распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в. (вкладка). // История Сибири с древнейших времён до наших дней в пяти томах. – Т. 2. – Л.: Наука, 1968.
- Долгих Б. О.** Общественный строй у народов Северной Сибири XVII – начала XX в. – М. Наука, 1970а.
- Долгих Б. О.** Очерки по этнической истории ненцев и энцев. – М.: Наука, 1970б. – 270 с.
- Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народностей Севера Средней Сибири // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. – М., 1949. Вып. 5. – С. 70–85.
- Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.
- Материалы приполярной переписи 1926-1927 гг. в Сибирском крае: Вып. 1. Список населенных мест русского и туземного населения Туруханского края и туземного населения округов Киренского, Тулуновского и Иркутского. – Красноярск: Сибкрайстатотд, 1928.
- Микроданные переписей. Всероссийская перепись населения 2010 года. – ГМЦ Росстата. Электронный ресурс: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/login.xhtml>
- Мониторинг развития территорий традиционного природопользования в Ненецком автономном округе, Северо-Западная Россия. Отчёт проекта / Под редакцией В. К. Даллманна, В. В. Пескова и О. А. Мурашко. – Он-лайн: Норвежский Полярный Институт. 2011.
- Пупынина М. Ю., Аралова Н. Б., Коряков Ю. Б.** География многоязычия народов колымско-алазейской тундры в конце XIX – начале XX века. Часть 2. Эвены и их контакты с соседями // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2020. – №1 (27).
- Терлецкий П. Е.** Карта расселения народностей крайнего севера СССР / сост. членом комитета севера при Президиуме ВЦИК П. Е. Терлецким по данным похоз. переписи приполярного севера 1926/27 г. и Всесоюзной переписи населения 1926 г. – М.: Комитет Севера при Президиуме ВЦИК, 1933.
- Черняков З. Е.** Карта распространения языков народов Севера СССР. – М.; Л.: Гос. уч.-педагогическое издательство, 1935.
- Шеллер Э.** Ситуация саамских языков в России // Наука и бизнес на Мурмане. – 2010. – № 2 (69). – С. 15–27.
- Этнографическая карта Азиатской России // Карта Азиатской России и смежных с нею владений / Сост. Г. М. Коверским по сведениям имеющимся в Министерствах: Императорского двора (Земли Кабинета Его Величества и Главного Управления Уделов), Военного, Морского, Путей Сообщения, Государственных Имуществ и Юстиции. – СПб: Картогр. заведение Воен. отдела Гл. штаба, 1895.
- Этнографическая карта Азиатской России. № 25 // Атлас Азиатской России. – СПб.: Переселенческое управление, 1914.
- Atlas of the World Languages / Ed. by R.E. Asher & C.J. Moseley. – Routledge; 2 edition, 2007
- Khanina O., Koryakov Yu.** Mapping the Enets speaking people and their languages // Sebastian Drude & Nicholas Ostler & Marielle Moser (eds.), Endangered Languages and the Land: Mapping Landscapes of Multilingualism. Proceedings of the 22nd Annual Conference of the Foundation for Endangered Languages (FEL XXII, 2018). – London, Reykjavik: Foundation for Endangered Languages and EL Publishing, 2019. – Pp. 69–77.
- Khanina O., Koryakov Yu., Shluinsky A.** Enets in space and time: a case study in linguistic geography // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. – 2018. – Vol. 42. – P. 1–28.

Pupynina M., Koryakov Yu. Chukchi-Speaking Communities in Three Russian Regions: A 120-Year Story of Language Shift // *Sibirica*. – 2019. – Vol. 18, № 2. – P. 78–124.

Коряков Юрий Борисович, старший научный сотрудник.

Институт Языкознания РАН.

Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, Россия, 125009.

E-mail: ybkoryakov@gmail.com

Материал поступил в редакцию 11 декабря 2019 г.

Yu. B. Koryakov

MAPPING SPECIFICS OF LANGUAGES OF NOMADIC PEOPLES IN CIRCUMPOLAR AREAS OF EURASIA

This study concerns with the main difficulties connected to the mapping of the nomadic peoples and their languages compared to the mapping of the sedentary peoples and languages. Among those difficulties are huge areas with no clear borders between them, very low population density, high personal, family and seasonal mobility, overlapping of winter pastures of one ethnic groups with summer pastures of another groups, transition of migration routes might through other group area, extensive multilingualism and lack of data. Quite surprisingly for an outside observer, the most part of Eurasian Circumpolar area were inhabited until recently by nomadic or semi-nomadic groups. Several types of life-styles are defined in the article: full (whole-family) nomadic pastoralism with herds of domestic reindeer, partial (male only) nomadic pastoralism with herds of domestic reindeer; (nomadic) hunting and gathering (sometimes together with occasional nomadic pastoralism). During Soviet period many of nomadic ethnic groups switched to mostly sedentary style of life. In the article, the history of cartography of peoples and languages of Russian North in 19th –20th centuries is shown. Then the existing sources for modern maps are discussed. Finally, a several ways of visualisation are proposed which let us show adequately not only nomadic and semi-nomadic ethnic groups but also their languages. Those ways are illustrated with maps.

Key words: *mapping, Circumpolar languages, Arctic, Northern peoples, nomads, reindeer husbandry, tundra.*

References:

- Amelina M. K.** Bol'shoj perexod na neneckij»: rekonstrukcija sociolingvističeskoj situacii v Tuxardskoj tundre (Tajmyrskij Dolgano-Neneckij rajon) po dannym jazykovyx biografij [“The big shift to Tundra Nenets”: Reconstruction of the sociolinguistic situation in Tukhard tundra (Taimyrsky Dolgano-Nenetsky district) according to language biographies] // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. – 2019. – Iss. 1 (23). – P. 29–43. (in Russian)
- Atlas Jakutskoj ASSR* [Atlas of Yakut ASSR]. – Moscow: GUGK SSSR, 1981. – P. 31. (in Russian)
- Atlas Jamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga* [Atlas of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. – Salekhard, 2004. (in Russian)
- Atlas Komi ASSR*. – Moscow: GUGK SSSR, 1964. – P. 98. (in Russian)
- Atlas of the World Languages* / Ed. by R.E. Asher & C.J. Moseley. – Routledge; 2-edition, 2007.
- Atlas sel'skogo xozjajstva Jakutskoj ASSR* [Atlas of agriculture in Yakut ASSR]. – Moscow: GUGK SSSR, 1989. – P. 72–75. (in Russian)
- Bruk S. I.** Atlas narodov mira [Atlas of the peoples of the World]. – Moscow: N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography AN SSSR, GUGK GSK SSSR, 1964 (in Russian)
- Bruk S. I.** Karta narodov Sibiri [Map of the peoples of Siberia] // *Narody Sibiri* [Peoples of Siberia]. M.G. Levin, L. P. Potapov, eds. – Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1956. (Serija «Narody mira: Ètnografičeskie očerki»). P. 1104. (in Russian)
- Černjakov Z. E.** Karta rasprostraneniya jazykov narodov Severa SSSR [Map of distribution of languages of peoples of the North of USSR]. – Moscow, Leningrad: Gos. uč.-pedagogičeskoe izdatel'stvo, 1935. (in Russian)
- Dolgič B. O.** Očerki po ètničeskoj istorii nencev i èncev [Essays on ethnic history of the Nenets and of the Enets]. – Moscow: Nauka, 1970b. 270 p. (in Russian)

- Dolgix B. O.** Karta rasprostraneniya ètničeskix grupp, rasselenija plemen i rodov narodov Sibiri v XVII v. (vkladka) [Map of distribution of ethnic groups, tribes and clans of peoples of Siberia in 17th century (inset)]. // Istorija Sibiri s drevnejšix vremën do našix dnei v pjati tomah [History of]. – T. 2. – Leningrad: Nauka, 1968. (in Russian)
- Dolgix B. O.** Obščestvennyj stroj u narodov Severnoj Sibiri XVII – načala XX vv. [The social structure of Peoples of the North Siberia of 17-early 20 centuries]. Moscow: Nauka, 1970a. (in Russian)
- Dolgix B. O.** Rodovoj i plemennoj sostav narodnostej Severa Srednej Sibiri [Clans and tribes of Northern Middle Siberia] // Kratkie soobšeniya In-ta ètnografii AN SSSR. – Moscow, 1949. Iss. 5. P. 70–85. (in Russian)
- Dolgix B. O.** Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII v. [Clans and tribes of Siberia in the 17th century]. – Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1960. – 622 p. (in Russian)
- Ètnografičeskaja karta Aziatskoj Rossii* [Ethnographic map of Asiatic Russia] // Karta Aziatskoj Rossii i smežnyx s neju vladenij [Map of Asiatic Russia and adjacent possessions] / Sost. G.M.Koverskim po svedenijam imejušimsja v Ministerstvax: Imperatorskogo dvora (Zemli Kabineta Ego Veličestva i Glavnogo Upravlenija Udelov), Voennogo, Morskogo, Putej Soobšeniya, Gosudarstvennyx Imušestv i Justicii. – SPb: Kartogr. zavedenie Voen. otдела Gl. štaba, 1895. (in Russian)
- Ètnografičeskaja karta Aziatskoj Rossii* [Ethnographic map of Asiatic Russia]. № 25 // Atlas Aziatskoj Rossii [Atlas of Asiatic Russia]. – Sankt-Peterburg: Pereselenčeskoe upravlenie, 1914. (in Russian)
- Golovněv A.V., Garin N. I., Kukanov D. A.** Olenevody Jamala (materialy k atlasu kočevyx tehnologij) [Reindeer Herders of Yamal (research materials for the Atlas of Nomadic Technologies)]. – Ekaterinburg: UrO RAN, 2016. (in Russian)
- Golovněv A. V., Kukanov D. A., Perevalova E. V.** Arktika: atlas kočevyx tehnologij [Arctic: Atlas of Nomadic Technologies]. – SPb.: MAĖ RAN, 2018. – 352 p. (in Russian)
- Khanina O., Koryakov Yu.** Mapping the Enets speaking people and their languages // Sebastian Drude & Nicholas Ostler & Marielle Moser (eds.), *Endangered Languages and the Land: Mapping Landscapes of Multilingualism. Proceedings of the 22nd Annual Conference of the Foundation for Endangered Languages (FEL XXII, 2018)*. – London, Reykjavík: Foundation for Endangered Languages and EL Publishing, 2019. – P. 69–77.
- Khanina O., Koryakov Yu., Shluinsky A.** Enets in space and time: a case study in linguistic geography // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. – 2018. – Vol. 42. – P. 1–28.
- Materialy pripoljarnoj perepisi 1926-1927 gg. v Sibirskom krae: Vyp. 1. Spisok naselennyx mest russkogo i tuzemnogo naselenija Turuxanskogo kraja i tuzemnogo naselenija okrugov Kirenskogo, Tulunovskogo i Irkutskogo* [Materials of Polar census 1926-1927 in Siberian krai: Issue 1. List of populated places with Russian and indigenous population in Turukhansk region and indigenous population of Kirensk, Tulun and Irkutsk districts]. – Krasnojarsk: Sibkrajstatotd, 1928. (in Russian)
- Mikrodannye perepisej. Vserossijskaja perepis' naselenija 2010 goda* [Census microdata. 2010 population census of Russia]. – GMC Rosstat. <http://std.gmcrosstat.ru/webapi/jsf/login.xhtml>. (in Russian)
- Monitoring razvitiya territorij tradicionnogo prirodoopol'zovanija v Neneckom avtonomnom okruge, Severo-Zapadnaja Rossija. Otčet proekta* [Monitoring of Development of Traditional Indigenous Land Use Areas in the Nenets Autonomous Okrug, Northwest Russia. Project report] / Ed. by V.K. Dallmann, V.V. Peskov & O.A. Murashko. – Online: Norwegian Polar Institute. 2011. <https://ipy-nenets.npolar.no/main%20pages/frame.html> (in Russian)
- Pupynina M., Koryakov Yu.** Chukchi-Speaking Communities in Three Russian Regions: A 120-Year Story of Language Shift // *Sibirica*. – 2019. – Vol. 18, № 2. – Pp. 78–124.
- Pupynina M.Yu., Aralova N.B., Koryakov Yu.B.** Geografija mnogojazyčija narodov kolymsko-alazejskoj tundry v konce XIX – načale XX veka. Čast' 2. Èveny i ix kontakty s sosedjami [Geography of multilingualism of peoples of Kolyma-Alazeia tundra in the late 19th to the early 20th centuries. Part II. Evens language: Evens and their contacts with the neighbors] // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. – 2020. – Iss. 1 (27). (in Russian)
- Šeller Ė.** Situacija saamskix jazykov v Rossii [Situation of Saami languages in Russia] // *Nauka i biznes na Murmane*. – 2010. – № 2 (69). – P. 15–27. (in Russian)
- Terleckij P. E.** Karta rasselenija narodnostej krajnego severa SSSR / sost. členom komiteta severa pri Prezidiume VCIK P.E. Terleckim po dannym poxož. perepisi pripoljarnogo severa 1926/27 g. i Vsesojuznoj perepisi naselenija 1926 g. [Map of distribution of ethnic groups of Far North of USSR / comp. by P.E. Terleckij on base of data of Census of Polar North 1926/27]. – Moscow: Komitet Severa pri Prezidiume VCIK, 1933. (in Russian)

Koryakov Yuri Borisovich, Candidate of philol. studies, Senior Researcher.

Institute of Linguistics RAS.

B. Kislovski per., 1. str. 1., Moscow, Russia, 125009.

E-mail: ybkoryakov@gmail.com